

РОЛЬ ЯЗЫКА ПРОЗЫ В.М.ШУКШИНА В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Сулейманова Т.А., Тойчуева В.М.
ЖАГУ г.Жалал-Абад

Аннотация

Язык произведений В.М.Шукшина занимает особое место в языке русской художественной литературы. В прозе Шукшина получили реализацию языковые традиции русской литературы. Преобладание народно-разговорной речи свидетельствует об освоении писателем традиций языка художественной литературы, уходящей в глубь веков. В шукшинской прозе сосуществуют различные речевые пласты: разговорные и книжные сферы языка, просторечие, жаргоны, диалектный язык, устная и письменная речь, фольклорный язык, язык художественной литературы.

Abstract

V.M. Shukshin`s works of languages occupies a special place in Russian language literature. In prose Shukshin got implementing linguistic traditions of Russian literature. The predominance of national-speaking writer testifies to learn the language of fiction tradition dating back to ancient times. In prose Shukshin coexist different speech layers: conversation and book sphere of language, colloquialisms, jargon, dialect of language, spoken and written language, folklore, language of literature.

Своеобразное творчество В.М.Шукшина привлекало, и будет привлекать сотни тысяч читателей не только в России, но и за рубежом. Ведь редко можно встретить такого мастера народного слова, такого искреннего почитателя родной земли, каким был этот выдающийся писатель.

Язык прозы Шукшина занимает важное место в языке русской художественной литературы. Впитав культуру прошлого, Шукшин отразил идейно-эстетические преобразования в современной ему культуре, а также реализовывал в своем творчестве новые художественные тенденции, которые позволили ему встать у истоков прозы будущего: язык этого писателя сыграл особую роль в развитии языка русской прозы второй половины XX вв.

В прозе Шукшина получили реализацию языковые традиции русской литературы. Преобладание народно-разговорной речи свидетельствует об освоении писателем традиций языка художественной литературы, уходящей в глубь веков.

В шукшинской прозе сосуществуют различные речевые пласты: разговорные и книжные сферы языка, просторечие, жаргоны, диалектный язык, устная и письменная речь, фольклорный язык, язык художественной литературы.

Традиции использования элементов диалектной речи при изображении жизни крестьян существуют в русской литературе с XVIII века. В русле этих традиций можно рассматривать и творчество Шукшина.

Анализ языка прозы Шукшина позволяет сделать вывод, что употребляется диалектная лексика только при описании жизни сельчан. Отразить материальную и духовную культуру крестьянства нельзя без использования специфических для народной речи слов. И в этом отношении алтайская русская деревня нашла в лице Шукшина своего самого лучшего выразителя. Народную речь он знал с детства, любил и понимал ее значение для литературы: «Выше пупа не прыгнешь, лучше, чем сказал народ (обозвал ли

кого, сравнил, обласкал, послал куда подальше), не скажешь». Писатель включает в произведения о жизни крестьян не только разговорную и просторечную лексику, но и диалектизмы, характерные для говоров Сибири, воссоздавая тем самым живую народную речь с присущей ей естественностью, образностью, экспрессией.

В прозе Шукшина многообразие речевых систем обусловлено усилением роли повествователя, независимо от того, в каком качестве - автора или героя - он выступает, что в конечном итоге приводит к демократизации речи. Диалектная лексика выполняет определенную стилистическую функцию, и в зависимости от этого используются разные ее типы.

Наиболее часто в рассказах Шукшина встречаются собственно лексические диалектизмы. Они называют явления природы, предметы быта, действия и т.п. Из рассказов: Чего заполошничать; Нет подождать - заусились в Краюшкино; он мог такой шкаф изладить; лучше глянется работать; разболокся до нижнего белья; Таисия <...> открыла ящик, усунулась под крышку.

Среди собственно лексических диалектизмов преобладают глаголы: расхлобыстнуть (разбить вдребезги), наторкать (натолкать небрежно), кафыркать (кашлять), натиснуть (надеть с трудом), навяливать (навязывать), базланить (громко кричать) и др. Частотность глаголов объясняется их ведущей текстообразующей ролью в динамическом повествовании.

Лексико-фонетические диалектизмы тоже фиксируются в речи персонажей: испужать, спомнить. Лексико-семантические диалектизмы отмечаются как в речи героев, так и в авторском повествовании. И среди них тоже употребительнее глаголы: выпрягаться (выходить из повиновения), отбеливать (рассветать), полоскать (бегать), приваривать (ударить), сшибать (быть похожим).

Редко употребляются и лексико-словообразовательные диалектизмы: жалиться, извязаться (увязаться), исделаться, изладить, усунулась.

В целом в рассказах Шукшина диалектная лексика составляет сравнительно невысокий процент. Значительное место среди них занимает лексика, характерная для говоров Сибири: базланить, глянуться, жалиться, заполошничать, зауситься, извязаться, изладить, разболокаться и др. К сибирским относятся и лексико-фонетические диалектизмы: пужать, выпимши и др.

Показателен в использовании диалектной лексики как специфического средства художественного повествования роман «Любавины», в котором нашли отражение жизнь сибирской деревни, а, следовательно, и особенности старожильческого говора Сибири, точнее, говора родного писателю села Сростки. «Принимая всем сердцем образ жизни русского крестьянства, его менталитет, Шукшин описал этот нравственный и материальный уклад на примере своего села и с использованием тех слов, в которых закреплены данные реалии» (И.А. Воробьева). Диалектная лексика употребляется для описания дома, усадьбы, быта сибиряков, их социального положения, взаимоотношений, трудовых процессов. В этом динамичном произведении также наиболее распространенной частью речи является глагол (до 69%): выпяливаться, глянуться, измолотить, исделаться, колупать (собирать), ломануть (ударить), робить, турусить (говорить что попало), устосовать (сильно избить), ухайдокать, ухлестать, хорохориться. Характерна их повышенная частотность с постфиксом -ся, что тоже показательно для сибирских говоров. Такие глаголы могут выражать совместное действие (гуртоваться, пластаться), состояние, манеру поведения (артачиться, выгинаться, выкобениваться, хорохориться, глянуться).

В произведениях Шукшина встречаются слова, не отмеченные в диалектных словарях: навяливать, натискивать, наторкать, ополекать, отбеливать и др. Наблюдения показывают, что они не являются авторскими, а бытуют в сибирском старожильческом

говоре. Из этого следует, что писатель хорошо знал специфику народной речи своей родины и не интуитивно, а целенаправленно употреблял региональную лексику в соответствии с замыслом произведения.

Морфология языка Шукшина сложна. В ней с очевидностью представлены: сцена, моделируемая глаголом; крупный план, заполняемый прилагательными; второй план, воссоздаваемый наречием, существительным, междометием, союзом.

Глагол у Шукшина подобен зрительному лучу, скользящему за светлым потоком, от предмета к предмету, наполняющим сцену-ситуацию (Е.И. Плотникова). Глагольное слово может передать сложную ситуацию, состоящую из комплекса органически связанных друг с другом действий одного и того же лица (Э.В. Кузнецова): Федор посмотрел на брата, стараясь взглядом еще донести всю глупость и горечь такого рода рассуждений («Как зайка летал на воздушных шариках»); виски вываливались от боли («Материнское сердце»); инженер отлип от своего мотоцикла («Упорный»).

Просторечная лексика в прозе Шукшина занимает значительное место: около 1200 единиц. Просторечная лексика как нелитературный состав лексических единиц обслуживает устные формы общения и употребляется в литературном языке для сниженной, грубоватой характеристики предмета речи (Ф.П. Филин). Просторечная лексика не имеет ни территориальных ограничений (как диалектизмы), ни узкосоциальных (как профессионализмы и жаргонизмы). Просторечное слово отличается от межстилевого и разговорного слов, выражающих тождественное с ним понятие, объемом семной структуры и взаимоотношением центральной и периферийной сем лексического значения. Так, у синонимов обмануть ~ провести (разг.) - облапошить (просторечная лексика) одинаковые денотативные семы (адресат, признак адресата «не сумевший противодействовать», признак действия - «корыстная цель» (разг.)). Провести коннотативные семы: «знание способов достижения цели; ловкость в использовании способов» выражают объективные признаки действия, субъективное отношение к действию (сочувствие, ирония, сожаление) выражено в низкой степени, отрицательная оценочность интенсивна. У просторечного глагола в центр семной структуры выдвигаются коннотативные семы: эмоциональная (сочувствие, сожаление) и общеотрицательная оценка действия; глагол формирует модальность речевой ситуации, например, угрозы: Ну? - спросил он (мудрец) сурово и непонятно. - Облапошили Ивана? - Почему вы так ставите вопрос? - увертливо заговорил черт... («До третьих петухов»). На каждое слово просторечной лексики имеет базовое, идентифицирующее межстилевое слово. Например, глагол, давший название рассказу «Срезал», шире по семантическому объему, чем каждое из переносных значений видовой пары резать - срезать (Словарь русского языка); глагол срезал и его просторечные синонимы в рассказе Шукшин оттянул, причесал «перекрывают» отмеченные значения: Глеб на своеобразном экзамене «провалил», как кажется ему и односельчанам, кандидатов, привел их в замешательство, как делал это неоднократно с городскими «выскачками».

Шукшин использует возможности просторечной лексики не столько называть, сколько оценивать предмет речи, сочетать эту оценку с жестовыми, мимическими и другими ситуативными средствами. Примечательно, что анализ просторечной лексики требует объемных, семантически достаточных иллюстраций-контекстов.

Семантический состав просторечной лексики в произведениях Шукшина разнообразен. Самыми активными являются семантические классы глаголов (Э.В. Кузнецова, А.А. Чувакин) - около 700 единиц. Наиболее представлены классы: отношений (причинения физических и нравственных страданий) - жогнуть, звездануть, прилобанить, уесть, уработать; подчинения - заесть, заездить, захомутать, допечь;

превосходства - атаманить, главарить, надуть;
совместности - привязаться, прилипнуть, проваландаться;
сравнения - звереть, набычиться;
бытийности (биологическое существование) - куковать, приткнуться;
переход к биологическому существованию - загнуться, окочуриться, скопытиться, удавиться;
психофизическое существование - егозить, ерепениться, киснуть, помериться, припухать;
конкретное физическое действие (создание или разрушение) - заделать, сварганить, дроболызнуть, разболтать;
становления - вляпаться, выкарабкаться, докатиться, испаскудиться, оскотинеть, проштрафиться, сдюжить;
речемыслительной деятельности - базарить, балабонить, отбрить, трезвонить, хохмить;
перемещения - двинуть, дернуть, покултыкать, шалаться;
звучания - заблажить, вжикать, тарахтеть;
поведения - буянить, выдрючиваться, кобениться, пакостить, подворотничать - и др.

Часто в произведениях Шукшина глаголы входят в состав различных фразеологических единств. Фразеологические единства, выражающие какой-либо процесс: встать в дыбки, встать не с той ноги, голову положить (сложить), задеть за живое, лечь на месте, недолго походить по земле, осунуться (опасть) с лица, переть на рога, повести плечами, сломить голову, толкнуть в бок, удариться на попятную, хвастать нечем и др.

Фразеологические единства призначной семантики: вышибло из ума, курицы не обидит, куры засмеют. Качественно-обстоятельственные: хоть ложись да помирай, хоть впору завывать.

Проза Шукшина представляет этап в развитии русской литературы, в связи с чем возникает вопрос о влиянии языка писателя на язык художественной литературы. В развитии языка русской прозы язык Шукшина сыграл важную роль как продолжение традиций предшествующей и современной автору культуры, как расширение разговорного пласта живой устной речи, а также как обращенность к новым тенденциям в развитии литературы. Впитав достижения своих предшественников, Шукшин в своем творчестве создает поэтический стиль нового поколения.

Диалектные слова причудливо вплетаются в язык прозы Шукшина, создавая своеобразную, необычно красочную, живую речь. Они не кажутся избыточными, а естественно выполняют свою стилистическую функцию. Шукшин выбирает наиболее характерные, широко распространенные в народной речи элементы лексики, что способствует созданию колоритности образа, полному раскрытию замысла произведения.

Литература:

1. Горн В. Василий Шукшин. Штрихи к портрету. - М., 1993.
2. Русский язык. Энциклопедия/ Гл. ред. Ю.Н. Караулов. - М.: Большая Российская энциклопедия, Дрофа. 1997.
3. Сигов В. Ещё не пели третьи петухи: Русская идея В.Шукшина. Литературная газета. 1999. № 29-30.
4. Творчество В.М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник/ Науч. ред. А.А. Чувакин. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2004.
5. Шукшин В.М. Наказ. Рассказы. - Барнаул. Алт. кн. издательство, 1980.
6. Фролова Е.А. Одинокие чудики В.М. Шукшина (Лингвостилистический анализ рассказов писателя)//Русский язык в школе. 2004. №6.